

Он был большим другом «Литературной газеты», Шон О'Кейси. Несмотря на болезнь, он всегда отзывался на наши письма, присылал свои статьи и фотографии — одну из них мы сегодня публикуем.

Из Торки, где жил этот великий ирландец, в редакцию пришло письмо: «Вы, конечно же, знаете, что Англия в нынешнем году празднует 400-летие Шекспира, — наконец-то достойно, как того заслуживает великий поэт, и чертовски вовремя! В первый раз Шекспир и его герои появятся на английских почтовых марках.

В честь этого события в Лондоне будут ставить пьесы иностранных авторов. В программу включены и две мои вещи: я же ирландец, а значит, строго говоря, тоже иностранец...

Посылаю вам статью о Шекспире, которая, пожалуй, заинтересует вас и читателей вашей газеты. Если статья не понравится, не волнуйтесь, я не огорчусь, хотя, разумеется, мне было бы приятно, если бы она понравилась.

С наилучшими пожеланиями

ваш Шон О'Кейси».

Публикуемая статья — не только дань восхищения Шекспиром. В ней читатель найдет и творческое кредо самого Шона О'Кейси, пьесы которого вошли в сокровищницу мировой драматической литературы.

СОВЕТСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ СКОРБЯТ

Миссис О'Кейси

Торки, Девоншир.

Советские писатели скорбят вместе с Вами о смерти Шона О'Кейси, замечательного писателя, чудесного человека, нашего большого друга.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ШОН О'КЕЙСИ ШЕКСПИР СРЕДИ ФЛАГОВ

венных ногах и мог весело насвистывать: «Радостной, радостной жизнью свободы буду я жить среди цветущей природы».

Он был вольным стрелком и мог сам выбирать себе цель.

Как отличается то, что мы видим сегодня, от того, что было тридцать лет назад! Тогда Шекспир неслышно сидел в уголке, как мышь, ибо в театре властвовали Пинеро, Барри и Кауард. Некий драматург тех времен, чью пьесу развозили по городам и весям Англии с полдюжины театральные трупп, юноша, слышавший надеждой и глашатаем английской драматургии, ни разу в жизни не видел и не читал ни одной шекспировской пьесы — несчастная или счастливая особенность, которую разделяли с ним в то время миллионы англичан. Какой недосмотр! Какой ужасающий недосмотр! И его немедленно потащили смотреть «Гамлета», а когда он с приятелями усталое брел домой, его спросили, как ему показалась пьеса. Не будь в ней призрака, она много выиграла бы, проормотал он.

Некий ирландец предпринял в те годы розыски Шекспира по всей Англии. Он получил от тогдашнего секретаря Союза советских писателей великолепную книгу с золотым обрезом, с портретом Шекспира и множеством иллюстраций, изображавших сцены из пьес английского гения, которые шли тогда в театрах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. К книге было приложено письмо: меня просили рассказать о несомненно многочисленных спектаклях, идущих на сценах английских театров, о той дани уважения и восхищения, которую Англия, конечно, воздает литературному коллосу елизаветинских времен. Но поиски ирландца оказались тщетными. Шекспир канул в Лету. Шекспир превратился в музейную редкость, пылящуюся на полке, — в один прекрасный день литературный археолог раскопает его, и критики начнут лениво спорить, не подделка ли это. Интеллигентная молодежь тех лет находила его скучным и старалась держаться от него подальше, а ищущие и сердитые молодые люди бунтовали на манер диккенсовского Тэпперита против капитала и условностей, так что им было не до Шекспира, и они не сорвали ни единого листочка с его лаврового венка, ни единой розы с его цветущего куста, чтобы вдеть себе в петлицу.

Можно только удивляться, что тот, кто, как говорят, умер давным-давно, все еще способен резвиться и проказничать, как в дни своей буйной и лирической молодости. Почему великий Кристофер Марло и не менее великий Бен Джонсон кажутся сейчас такими скованными в движениях, если сравнить их с легкостью и гибким изяществом Шекспира? Мне думается, потому, что эти двое любили мало и немногих, а он любил очень много и очень многих. Шекспир, как никто, умел быть страшен, горько обличая человеческую неблагодарность, забывчивость друзей; его терзало, что любовь почти всегда лишь прихоть, а дружба притворна. Но через все и вся проходит живая, пульсирующая струя сострадания и безграничной любви ко всему сущему.

Он любил все и ни для чего не делал исключения — он все озял красотой своего слова. Он созерцал вершины величественных деревьев и видел у себя под ногами крапчатую примулу; розмарин, рута, дикий тимьян и маргаритки росли у его порога и благоухали на путях, которыми он проходил, и он видел, как искрились на утренней заре росинки, прежде чем божьим благословением скатиться с лепестка. В Шекспире не было и следа литературного цезольства Марло или горластого хвастовства неподражаемого Бена Джонсона. Фальстаф, Осно-ва, Фесте и даже присяжный остряк Ним были такими же его спутниками и товарищами, как и король Ричард, Гамлет, Антоний и Клеопатра.

Он, по-видимому, знал библию и молитвенник как свои пять пальцев и прибегал к ним, чтобы придать остроту и аромат диалогам своих пьес. Марло, Бен Джонсон и другие писатели, отягощенные университетским образованием, по большей части извлекали материал для ткани своих произведений из самих себя. Они стояли неподвижно в средоточии учености, а он ходил, разговаривал, сновал в средоточии жизни.

Живая жизнь была устрицей Шекспира, и в отличие от Одена, объявившего ее пустой скорлупкой, Шекспир нашел в ней неисчерпаемый клад прекрасного и величественного. Он видел все, слышал все, испытал многое, испытывал все чувства, вдыхал сладкий запах цветов и с отвращением отворачивался от гнили войны.

Великий Марло тоже обладал замечательным талантом, сосредоточенным в мозгу, который, возможно, был даже более могучим, чем мозг Шекспира, но этот талант оставался равнодушным ко всему, кроме самого Марло, и обрекал его на надменное и отчаянное одиночество в среде его университетских товарищей. Он был холоден и почти лишен юмора. Все его попытки вызвать смех неуклюжи и скучны и отдаются в ушах глухим стуком комьев глины, падающих на крышку гроба. Юмор Шекспира был полнокровен и краснощек, потому что Шекспир любил радость жизни, и ноги его не раз пускались в пляс и на желтых песках, и в озаренном свечами зале. Вот почему Шекспир продолжает жить, вечно юный, неизменно величайший драматург своего времени, времени наших отцов, нашего времени и грядущих дней. Вот почему, когда наш дом посещают Марло или даже Бен Джонсон, мы встречаем их почтительным поклоном, а когда приходит Шекспир, мы кричим: «Добро пожаловать!», хлопаем его по плечу и усаживаем в самом уютном уголке у камина.

Но Шекспир вовсе не состоит из одних улыбок. Он может быть и сыном печали, изведавшим все глубины человеческого горя. Он не смотрит на жизнь сквозь розовые очки; он знает, что человек, рожденный женщиной, живет лишь краткий срок, что он приходит в мир, чтобы пасть под косой, как цветок, что он уходит, как тень, и не возвращается. Он умел распознавать признаки перемен и одряхление повсюду окрест себя, как доказал в сонете, посвященном молодому красавцу графу Саутгемп-тону. Часы говорили ему, что свет потонет скоро в грозной тьме ночной, он видел, как фиалки вянут нежный цвет, как несется вдоль дорожки листья, как кивает с погребальных дрог седых снопов густая борода, замечал, как заблестел седой темный локон, и думал о красоте графа, которой тоже придется отвести.

Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.

Он видел перемены и одряхление столь же ясно, как видим их мы, современные драматурги, и ощущал их гораздо глубже, чем мы, но зато он видел и новую поросль. Он знал, что человек расцветает и увядает, как полевой цветок, но рядом с каждым осыпавшимся цветком он видел молодые бутончики. Погасший огарок уступает место новой свече. Свет мира никогда не угасает, никогда не меркнет.

Я люблю слушать передачи Биби-си для школьников. Мне особенно нравятся передачи, называющиеся «Время и песня», потому что она знакомит меня с музыкой, о которой я знаю очень мало. Последним номером была веселая, простенькая песенка. Вот такая:

Мы танцуем и поем,
Водим, водим хоровод,
В наш веселый круг берем
Всех, кто весело поет!

Если бы эту простенькую песенку услышал великий поэт, если бы он увидел этот смеющийся хоровод, он в мгновение ока очутился бы в этом веселом и беззаботном кругу!

Пока развешаются шекспировские флаги, гремят его трубы и барабаны, пока его светлые и прекрасные слова звучат в наших ушах, нам не зачем пугаться волчьего воя «авангарда» или бояться тех, «кто боится Вирджинии Вульф».

ТОРКИ. Девоншир.